

въ священнослуженіи; далѣе, въ случаѣ осужденія виновнаго въ какомъ-либо преступленіи духовнаго лица судомъ свѣтскимъ, послѣдній также обязанъ увѣдомить о семъ консисторію, для наложенія на виновнаго соотвѣтствующаго наказанія, при этомъ необходимо замѣтить, что приговоръ суда свѣтскаго, разсматривавшаго содѣянное лицомъ священнаго сана то или иное предусмотрѣнное общимъ уголовнымъ закономъ преступленіе, уже самъ по себѣ влечетъ лишеніе подлежащаго осужденію лица священнаго сана. Если при разбирательствѣ въ свѣтскомъ судѣ дѣла о лицѣ священнаго сана окажется, что обвиняемый до рѣшенія о немъ дѣла долженъ находиться въ заключеніи, то таковое полагается ему отдѣльно отъ прочихъ обвиняемыхъ, въ опредѣленномъ для того мѣстѣ; въ случаѣ присужденія свѣтскимъ судомъ лица священнаго сана за какое-либо преступленіе къ заключенію, таковое полагается ему не въ общей тюрьмѣ, пазначенной для лицъ, обвиненныхъ за проступки, а въ монастырѣ, епископскомъ домѣ или въ какомъ-либо иномъ подобномъ мѣстѣ; наконецъ, приговоръ уголовного суда, по коему лицо священнаго сана подвергается наказанію по общему уголовному закону, приводится въ исполненіе не прежде, какъ по лишеніи и снятіи съ него сана по распоряженію подлежащей церковной власти.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Рѣчь, произнесенная ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи архимандритомъ Сергіемъ при нареченіи его во епископа Ямбургскаго.

Ваше святѣйшество, Богомудрые архипастыри.

Окончились счастливые годы моей службы въ С.-Петербургской семинаріи. Господь волею вашего святѣйшества зоветъ меня къ работѣ среди юношества уже зрѣлаго, Господь ставитъ меня пастыремъ среди пастырей.

Говорить ли, Богомудрые архипастыри, о всѣхъ думахъ, которыми неизбежно въ эти минуты переполнено сердце мое? Но будетъ ли это соотвѣтствовать торжественности переживаемаго мною часа? Воспомяну хотя нѣчто изъ многаго.

Я прихожу на служеніе высокое, на работу весьма отвѣтственную изъ мѣста скромнаго. Но сколько сердца осталось въ этомъ скромномъ мѣстѣ? Мирно протекали годы жизни моей среди юношества семинарскаго. Не безъ промаховъ работалъ я, но любовь молодыхъ сердець прикрывала недостатки мои. Братская же поддержка сослуживцевъ всегда окрыляла меня. Девять лѣтъ я жилъ и дышалъ въ атмосферѣ любви. За девять лѣтъ я къ ней привыкъ. Въ ней такъ жилось легко! Тяжело разставаться съ матерью, тебя грѣвшею, тебя ласкавшею. Скорбитъ сейчасъ и мое сердце, оставляя позади, и навсегда, дорогой мой вертоградъ.

Жизнь незамѣтная, жизнь въ тиши семинарскихъ стѣнъ кончилась теперь. Я вывожусь на дорогу широкую, я поставляюсь отнынѣ на мѣстѣ слишкомъ высокомъ. Что я для того, чтобы стать на этомъ высокомъ и отвѣтственномъ мѣстѣ?

И возьмемъ прежде всего мое начальствованіе въ высшемъ разсадникѣ просвѣщенія духовнаго. Развѣ можно безъ смущенія великаго положить руку на то рало, на которое я долженъ нынѣ ее положить? Стоять постоянно на стражѣ не только учебныхъ, но и научныхъ интересовъ; стараться быть если не во главѣ, то и не въ самомъ концѣ ученой коллегіи профессоровъ, разумно править молодежью, выбранной изъ зрѣлыхъ и лучшихъ представителей семинарій, быть по должности и для общества всегда представителемъ здраваго голоса богословской мысли и науки... Все это задачи великія и сложныя даже и не въ то смутное время, которое мы переживаемъ, и въ которое трудность ихъ какъ бы еще болѣе увеличивается, прибавляя новыя требованія, — постояннаго такта и разумнаго отношенія къ окружающимъ событіямъ.

А можно ли забывать, что ректорство въ высшей школѣ есть въ то же время и пастырство; пастырство не только въ школѣ и для школы, а, такъ сказать, всероссійское!

Правда, не то говорятъ вышнее впечатлѣніе. Оно скорѣе утверждаетъ въ мысли, что все пастырство мое сводится къ ношенію только титула и званія пастырскаго. Но когда каждое твое слово будетъ воспринимается, какъ слово главы вышшаго духовнаго разсадника, съ этой пмменно точки зрѣнія; когда въ каждомъ твоёмъ поступкѣ будутъ усматривать поступокъ, такъ сказать голосъ на дѣлѣ, высшей богословской науки; — это ли не пастырство предъ всѣми и среди всѣхъ; это ли не постоянное стояніе высоко на свѣщницѣ, чтобы отъ имени своего разсадника свѣтить всѣмъ! И снова невольно и съ смущеніемъ великимъ спрашиваешь себя: а гдѣ во мнѣ силы и способности для столь широкаго пастырствованія? Кто я, чтобы прицѣпить на

себя его со всѣми великими скорбями, которыя возлагались на рамена и несравненно болѣе славныхъ моихъ предшественниковъ.

Скорби пастырскія, — не ораторскія это пріемъ въ словѣ моемъ... О нихъ невольно думается не только въ виду предстоящаго пастырствованія, и отвѣтственнаго пастырствованія, сколько въ виду и тѣхъ новыхъ условий, при которыхъ приходится намъ — пастырямъ отнынѣ дѣлать дѣло свое.

Дождалась Русь Святая всѣхъ пресловутыхъ свободъ. При новыхъ условіяхъ теперь будетъ совершаться жизнь гражданственная пасомыхъ нашихъ. Но какъ она будетъ складываться? «Свободы», — какое это драгоценное сокровище само въ себѣ; по какой великой основѣ оно требуетъ отъ человѣка... Разумъ, сердце чистое, — вотъ мнѣ кажется, — что должно быть въ основѣ человѣка для того, чтобы свободы приносили плоды добрыя... А всегда ли они есть у пасомыхъ нашихъ? Развилась ли она культурно настолько, чтобы воспользоваться широко дарованными свободами?.. Не обратятъ ли многія изъ нихъ свободу въ произволь? Со страхомъ смотришь на окружающее... И невольно кажется, что новыя терніи влетены отсель въ вѣнецъ пастырскій.

А загорѣвшаяся еще ранѣе свобода вѣроисповѣдная? А эта, данная всѣмъ возможность славить Бога по влеченію своего сердца? Кто изъ пастырей не привѣтствовалъ этого акта, по кто въ то же время не сознавалъ, что трудныя времена наступили съ 17 апрѣля для насъ, пастырей. И отразить натискъ неправомыслящихъ, и спасти своихъ пасомыхъ отъ совращенія съ пути истиннаго и, по возможности возвратитъ въ лоно святой Церкви отшедшихъ отъ нея, — сколько заботъ пастырю Церкви!.. И при достиженіи этихъ цѣлей пастырь долженъ созна-

вать отъ нихъ всегда, — что онъ сильнее только собою, своимъ словомъ, своимъ авторитетомъ, да помощью Господа... «Князи человѣческіе» (Псал. 145, 3) отъ нихъ устранены отъ помощи ему...

Богомудрые архипастыри. Много можно было бы говорить о новомъ, современномъ положеніи и вообще пастыря, и въ частности моего пастырства. Но думалъ бы ограничиться и этими случайно набросанными штрихами.

Я услышалъ гласъ вашъ, зовущій меня къ святительству. Скорблю и смущаюсь, но приѣмлю. Приѣмлю, уповаю на молитвы дѣйствительныя и ихъ сейчасъ у вашего святѣйшества прошу.

Помолитесь же. Скорбитъ мое сердце, оставляя назади присныхъ чадъ семинаріи, выступая на отвѣтственную работу среди зрѣлаго студенчества академіи. Помолитесь, да дастъ Господь мнѣ ангела мирнаго, ангела утѣшителя, и да уравниаетъ Онъ путь мой повый.

Помолитесь, да дастъ Господь мнѣ слабому понести то бремя служенія пастырскаго, которое возлагается на меня святительскою вашею волею.

Помолитесь, да дастъ Господь, мнѣ, поставляемому на слишкомъ высокую свѣщницу посылно свѣтить около себя, не распространяя вмѣсто свѣта дѣль неправды и всякой нечистоты.

Архимандритъ Сергій.

Рѣчь протоіерей А. П. Мальцева при открытіи бесплатной столовой и убѣжища Ярославскаго благотворительнаго общества.

14-го ноября, въ 3 часа дня состоялось открытіе бесплатной столовой Ярославскаго благотворительнаго общества въ С.-Петербургѣ и при ней убѣжища для пріѣзжающихъ въ столицу изъ губерній на промыселъ мальчиковъ. Столовая и убѣжище, учрежден-

ныя въ память событія 17-го октября 1905 г., находятся по Коломенской ул., въ д. № 40. Освященіе, на которомъ присутствовалъ въ качествѣ земляка г. Градоначальникъ, совершенно соборно настоятелемъ посольской церкви въ Берлинѣ, протоіереемъ А. П. Мальцевымъ. Предъ молебствіемъ протоіерей Мальцевъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Проведя почти цѣлыя два десятилѣтія *вне* предѣловъ нашего Отечества, будучи самъ здѣсь, такъ сказать, странникомъ и пришельцемъ, я очутился сегодня въ собраніи моихъ дорогихъ и милыхъ земляковъ, сошедшихся для освященія устроеннаго ими по истинѣ благаго, крайне необходимаго и, несомнѣнно, полезнаго учрежденія — въ видѣ бесплатной *столовой* для неимущихъ Ярославскихъ уроженцевъ и вмѣстѣ *убѣжища* для пріѣзжающихъ на заработки въ столицу ярославскихъ мальчиковъ. Отъ всей души привѣтствую эти учрежденія и для дѣтей и для взрослыхъ! *Если кто приметъ отроча сіе*, сказала Господь, *Меня приѣмлетъ, если кто напоитъ чаею холодной воды жаждущаго, — не потеряетъ мзды своей*, и, наконецъ, въ описаніи будущаго нелиценріятнаго суда Божія не общана ли великая награда тѣмъ, кто во имя Христа — насытитъ голоднаго, напоитъ жаждущаго, введетъ въ домъ странника и одѣнетъ нагаго? Когда я былъ одинъ разъ въ Неаполѣ, я былъ пораженъ однимъ изъ способовъ оказанія помощи подобной той, которую должна оказывать эта столовая. Въ воскресный день предъ литургіей, предъ входомъ въ католическій храмъ, стояли два стола съ хлѣбами и булками, при чемъ на столѣ, находящейся по правой рукѣ, входящіе клали каждый по своему достатку известную монету, на стоимость которой и переносились особыми приставленными лицами хлѣбы на